

УДК 343.814(571.15)
DOI 10.17223/19988613/40/7

Р.А. Карпов

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО КОРПУСА СОВЕТСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1919–1925 гг.)

После освобождения Алтая от белогвардейской власти в конце 1919 г. началось строительство советской пенитенциарной системы. В губернии создавалась структура мест заключения. Немаловажную роль при этом играл кадровый потенциал. Однако однобокий, зачастую нерациональный классовый подход не только лишил пенитенциарную систему Алтайской губернии высококлассных специалистов старой школы, но и привлекал на службу неподготовленных новобранцев из беднейших слоев населения. Не улучшал качественный состав непростителю службы, низкая зарплата, отсутствие налаженной служебно-профессиональной подготовки. Нерешенность кадрового вопроса, в свою очередь, негативно сказалась на деятельности пенитенциарной системы в 1919–1925 гг. в Алтайской губернии.

Ключевые слова: пенитенциарная система; места заключения; дом предварительного заключения; арестные дома; классовый подход.

В конце 1919 г. начинается постепенный процесс восстановления и развития советской системы мест заключения, прерванный во время белогвардейского переворота в Алтайской губернии в 1918 г. Порядок и условия организации лагерей, содержания в них заключенных детально регламентировался апрельским 1919 г. Постановлением ВЦИК «О лагерях принудительных работ», где предусматривалась обязательность физического труда заключенных и ставилась задача полной самокупаемости лагерей.

Основным документом, регулирующим деятельность пенитенциарной системы в начале 1920-х гг. на Алтае, стало «Положение об общих местах заключения РСФСР от 15 ноября 1920 г.» [1. С. 54–94].

В 1921–1922 гг. в системе советских мест заключения функционировали дома заключения, исправительно-трудовые дома, сельскохозяйственные и ремесленные колонии; переходные исправительные дома. Существовали изоляционные тюрьмы двух видов: одни – для содержания лиц, осужденных со строгой изоляцией, которые по характеру совершенного преступления нуждаются в особом режиме, другие – для содержания заключенных, которые, отбывая наказание в общих местах заключения, упорно не подчиняются требованиям режима [2]. В стране также действовали трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей; трудовые дома для правонарушителей из рабочей-крестьянской молодежи, а также колонии для психически неуравновешенных, туберкулезных и других больных заключенных, институты психиатрической экспертизы, больницы и т.д.

К местам лишения свободы относились и арестные дома, которые имелись в каждом отделе уездной милиции, где содержались лица, подозреваемые, обвиняемые и осужденные за различные преступления.

В рассматриваемый период в Алтайской губернии располагались Алтайский губернский дом предварительного заключения, Бийский дом предварительного заключения, Рубцовский дом предварительного заключения, дом предварительного заключения Ойротской

области [3]. Дом предварительного заключения в городе Змеиногорске просуществовал до 1922 г., когда и был расформирован. Лагеря принудительных работ существовали в городах Барнауле, Бийске, Славгороде. В 1921 г. Славгородский лагерь принудительных работ вошел в систему мест заключения Омской губернии. Существовал в Барнауле и концлагерь, где размещались в основном политические преступники – враги Советской власти.

Недостаточное финансирование пенитенциарной системы приводило к тяжелейшим условиям службы надзирательского состава, повсеместным нарушениям дисциплины и, как следствие, большим оттокам из системы сотрудников.

В Бийске в июне 1922 г. во время проверки арестного дома (ардома) было выявлено, что помещение, где расположился ардом, ветхое, хотя и просторное. В камерах стояло зловоние в связи с тем, что арестованные неаккуратно относились к отправлению естественных надобностей. Начальник арестного дома во время посещения комиссии был одет не по форме [4].

Достаточно сильно усложнял процесс комплектования подразделений сотрудниками мест лишения свободы в Алтайской губернии жесткий классовый подход. Многие профессионалы были вынуждены оставить службу из-за «неправильной» графы социального происхождения. Их место занимали нередко малообразованные, слабо представляющие специфику службы граждане из беднейших слоев общества.

Непрофессионализм ряда сотрудников приводил к тому, что некоторые заключенные незаконно удерживались в местах лишения свободы больше срока, чем им полагалось. В Рубцовском арестном доме содержались люди, не допрошенные в течение двух и более месяцев [5. С. 24].

Усугублял кадровый голод в формирующейся советской пенитенциарной системе конфликт интересов между различными наркоматами. В 1922 г. между Народным комиссариатом юстиции и Народным комиссариатом внутренних дел велась ожесточенная

борьба за право руководить всей советской пенитенциарной системой.

На момент передачи мест заключения из Наркомата юстиции в НКВД в составе Главного управления мест заключения (Главмзака) НКВД РСФСР (1922 г.) находилось: исправительно-трудовых домов – 159; домов предварительного заключения – 54; мест заключения без точно установленного наименования – 17; пересыльных, карантинных и тому подобных специального назначения мест заключения – 3; изоляционных тюрем – 2; сельскохозяйственных колоний – 29; трудовых домов для несовершеннолетних – 4; трудовых колоний – 1; концентрационных лагерей – 56; тюремных больниц – 5. Итого – 330 мест заключения, где содержались 80 559 чел. [6. С. 7].

Постепенно происходил рост числа мест лишения свободы. По данным прокуратуры, только с июня по ноябрь 1923 г. количество мест заключения в России вновь увеличилось с 303 до 375 [7. С. 1216]. В 1924 г. в РСФСР имелось уже 400 мест заключения (включая исправительные дома, сельскохозяйственные колонии, трудовые дома и т.п.) [8. Л. 2]. Рост численности заключенных, соответственно, предполагал расширение штатов надзирательского состава и увеличение финансовых потоков в пенитенциарную систему. Однако из-за многочисленных трудностей молодое советское государство было не способно полностью удовлетворить все возрастающие потребности советской пенитенциарной системы.

В местах лишения свободы Алтайской губернии с первых дней ее создания продолжал остро стоять кадровый вопрос. В отчете ГУМЗ «Пенитенциарное дело в 1922 г.» указывалось, что «обеспечение тюремной стражи не лучше заключенных, а, пожалуй, даже и хуже» [6. С. 43]. В 1923 г. некомплект личного состава в среднем по РСФСР составлял 50% и выше [9. С. 64]. На дефицит штатов указывалось в сводке о положении исправительно-трудового дела в Сибирском крае за первое полугодие 1924/25 гг. [10].

Для сотрудников пенитенциарной системы хронически не хватало служебного жилья. В 1923 г. большинство сибирских сотрудников надзора мест заключения своих квартир не имели [11. Л. 121]. Проблема жилья была характерна для всех без исключения мест заключения Алтайской губернии.

Советом народных комиссаров СССР было издано постановление от 23 ноября 1923 г., которое предписывало администрации мест заключения право освобождать дома, помещения и общежития, предназначенные для проживания лиц административного персонала и надзора мест заключения и находящиеся на территории их и непосредственно прилегающие к ним, от проживающих в них посторонних лиц, не связанных службой с местами заключения, путем выселения их в административном порядке.

Лица, уволенные со службы в местах заключения, а также их семейства должны были в течение месячного

срока выселиться в административном порядке из занимаемых ими помещений при местах заключения [12. С. 29]. Однако это так и не смогло решить острейшую жилищную проблему.

Инспектор мест заключения Алтайской губернии в декабре 1923 г. указывал на невозможность укомплектовать полностью штаты из-за низкой зарплаты и отсутствия общежитий. Ситуацию с кадрами удавалось несколько улучшать командированием на службу в места лишения свободы коммунистов. В начале 1920-х гг. ситуация обострялась из-за общей дороговизны и инфляции в стране. Низкая зарплата «съедалась» продолжающим падением курса рубля и несвоевременным финансированием. У сотрудников мест заключения удерживались различные выплаты в Профсовет, Губком, Воздухофлот, на приобретение облигаций и т.д. Иногда различные поборы достигали 25% от полученной зарплаты. Сотруднику оставалось на руках 1 500 рублей при цене на муку в 700–800 руб. за пуд. Инспектор мест заключения Алтайской губернии в заключение своего доклада весьма красноречиво описывал состояние надзирателей: «Многие из надзора, имея 5–8 человек в семье, обречены на голодное существование, продороженные под осенним дождем на посту, вынуждены были идти на незаконные сделки с заключенными, занимаясь спекуляцией среди арестантов» [11. Л. 112].

Ситуацию ухудшало то, что иногда сотрудники арестных домов и лагерей не получали вовремя положенные им продуктовые пайки и обмундирование, как это произошло в 1924 г. со служащими и надзирателями Рубцовского арестного дома [13. Л. 197].

При выборочной ведомственной проверке в ряде домзаков страны в сентябре 1924 г. была выявлена непригодность к службе 50 человек младшего надзора. В августе этого же года было уволено 27 младших надзирателей. Во время проверок многие сотрудники показали свое низкое политическое сознание, малограмотность и слабую дисциплину. Привлечению на службу лучших кандидатов мешала маленькая зарплата [Там же. Л. 111].

Вступивший в июле 1924 г. на пост начальника Алтайского губернского дома заключенных Иван Николаевич Кутанов с горечью отмечал сложившуюся тяжелейшую морально-психологическую ситуацию в коллективе: «Среди надзирателей склоки. В результате чего образовалось два враждующих лагеря. У многих сотрудников наблюдается низкая дисциплина, распушенность и расхлябанность» [Там же. Л. 123].

В результате постоянного недостатка профессиональных сотрудников в уголовно-исполнительной системе губернии нередко были чрезвычайные ситуации, связанные с так называемым человеческим фактором.

12 июля 1924 г. в бийском доме заключения младший надзиратель Байканов, стоя на посту, увидел, что заключенные в расположенной на 2-м этаже камере № 40 производили у окна неприличные жесты, на замечания милиционера не реагировали. Рассерженный Байкалов без преду-

преждения выстрелил в оконный проем, где маячили провозирующие его арестанты. Пуля, ударившись в оконную решетку, скользнула по потолку, при этом легко ранив трех человек, находившихся в этой камере [13. Л. 197].

Двадцатитрехлетний надзиратель Барнаульского домзаклочения Василий Шенов дважды выпустил через калитку в октябре 1924 г. домой в город заключенного Аксенова и последственного Сидоренко за взятку в 10 рублей. В ходе разбирательств выяснилось, что Шенов был уже ранее судим [14].

Руководство губернского ГУМЗ, мест заключений, местные органы власти пытались с помощью выдачи дополнительного количества продуктов питания удерживать сотрудников на службе.

Проводились массовые мобилизации для заполнения штатов мест лишения свободы. Предпочтение отдавалось демобилизованным красноармейцам.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 29 мая 1925 г. «О льготах в области труда для демобилизованных военнослужащих» предписывало обязательное замещение вакантных должностей по местам заключения демобилизованными красноармейцами, в первую очередь для конвойных команд.

Значительное внимание при приеме на службу уделялось классовому происхождению, здоровью и отсутствию связей с преступным миром. При поступлении на службу кандидаты заполняли специальную анкету, где указывались все сведения о ближайших родственниках, о службе в царской, Белой, Красной армиях и о своих занятиях до и после Революции 1917 г. Ряд вопросов был связан с социальным происхождением, партийной принадлежностью, судимостью, отношением к Советской власти. Кандидат должен был быть физически развит и желательнее грамотен.

Пытаясь изменить низкий профессиональный уровень сотрудников пенитенциарной системы, в решении коллегии НКВД от 16 декабря 1924 г. Главному управлению мест заключения предлагалось безотлагательно приступить к разработке мер по закреплению работников на службе в местах заключения, организации их обучения, повышению их профессионального уровня. На совещании работников ГУМЗ РСФСР 6 января 1925 г. было принято решение об организации при Главном управлении местами заключения специальных занятий (трехмесячных курсов подготовки командного состава мест заключения) по политико-образовательным и пенитенциарным вопросам, а также вопросам уголовного права [15. С. 36].

Таким образом, формирование кадрового корпуса советской пенитенциарной системы в Алтайской губернии (1919–1925 гг.) столкнулось с рядом серьезных проблем: конкуренцией различных советских ведомств на право руководить всей системой мест заключения, классовым подходом в комплектовании, слабой материальной базой, дефицитом служебных помещений, высоким риском профессии, низкой зарплатой, непрестижностью службы «тюремщиком», что все вместе значительно снижало эффективность работы уголовно-исполнительной системы. Наложил свой отпечаток и практически разрушенная, страдавшая фактически теми же проблемами доставшаяся в наследство пенитенциарная система колчаковского режима [16. С. 149]. Процесс создания профессиональной подготовки среди сотрудников мест лишения свободы находился в зачаточном состоянии и практически не оказал влияния на улучшение кадровой базы пенитенциарной системы Алтайской губернии (1919–1925 гг.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Положение об общих местах заключения РСФСР: постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1957). М., 1957. С. 54–94.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7420. Оп. 2. Д. 8. Л. 65.
3. Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления МВД России по Новосибирской области (ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.
4. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 140. Л. 14.
5. Гриценко И.Ф. Рубцовская милиция: образование и этапы развития. Барнаул, 1998. 181 с.
6. Пенитенциарное дело в 1922 г. Отчет НКВД по ГУМЗ X съезду Советов. М., 1923. 66 с.
7. Еженедельник советской юстиции. 1923. № 51–52.
8. ГАРФ. Ф. 4042. Он. 2. Д. 85. Л. 2.
9. Пенитенциарное дело в 1923 г. Отчет НКВД по ГУМЗ XI Съезду Советов. М., 1924. 68 с.
10. ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 226. Л. 11.
11. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 288. Оп. 1. Д. 128.
12. Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 276 с.
13. Государственный архив Алтайского края. Ф. 531. Оп. 1. Д. 5.
14. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 139. Л. 94.
15. Гуцев О.В. Историко-педагогический анализ становления профессиональной подготовки сотрудников пенитенциарной системы России // История государства и права. 2012. № 5. С. 15–18.
16. Суверов Е.В. Тюремная система колчаковского режима на Алтае (1918–1919 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2013. Ч. 2. С. 148–149.

Karpov Ruslan A. Barnaul Law Institute of the Russian Interior Ministry (Barnaul, Russia). E-mail: karpovruslan71@mail.ru

FORMATION OF PERSONNEL CORPS OF THE SOVIET PENAL SYSTEM IN THE ALTAI PROVINCE (1919–1925).

Keywords: penal system; jails; house of a pre-trial detention; class approach.

After liberation of Altai from the White Guard authorities at the end of 1919, construction of the Soviet penal system has begun. In the province the structure of jails was created. The important role was played thus by personnel potential. However, one-sided, often irrational class approach not only deprived penal system of the Altai province of high quality old school specialists, but also attracted to

service unprepared recruits from the poorest segments of the population. Service of no prestige, a low wage, lack of the adjusted office vocational training did not improve qualitative structure. A suspense of a personnel question in turn negatively affected activity of penal system in the Altai province in 1919–1925. At the end of 1919 began the gradual process of restoration and development of the Soviet system of jails which was interrupted during White Guard coup in the Altai province in 1918. The form and conditions of the organization of camps, the maintenance of prisoners in them was in details regulated by the April, 1919 resolution of ACEC (All-Russian Central Executive Committee) “About forced-labor camps” where obligation of physical work of prisoners was provided and a task of full self-sufficiency of camps was set. In 1921–1922 in system of the Soviet jails functioned: custodies, corrective-labor houses, agricultural and craft colonies; transitional penitentiaries. There were insulating prisons of two types: one – for the maintenance of persons condemned with strict isolation who on character of the committed crime needed a particular treatment, others – for the maintenance of prisoners who serving sentence in general prisons don’t submit to the rules. In Biysk in June, 1922 during the check of the lockup house it was revealed that the structure where the lockup house was situated was spacious but shabby. Thus, formation of the staff of the Soviet penal system in the Altai province (1919–1925) faced some serious problems: the competition of various Soviet departments on the right to direct all system of jails, class approach in completing, weak material resources, deficiency of service premises, high risk of a profession, a symbolical salary. Unpopularity of being a “jailer” considerably reduced the overall performance of criminal and executive system. The penal system of the Kolchak’s regime, almost destroyed, suffered actually from the same problems, also left its own mark. Creation of vocational training among employees of places of imprisonment was in embryo and had practically no impact on improvements of personnel staff of penal system of the Altai province in 1919–1925.

REFERENCES

1. RSFSR. (1957) Polozhenie ob obshchikh mestakh zaklyucheniya RSFSR: postanovlenie NKYu ot 15 noyabrya 1920 g. [Regulation on the places of confinement in the RSFSR: Resolution of the People’s Commissariat of Justice of November 15, 1920]. In: Losev, P.M. & Ragulin, G.I. (eds) *Sbornik normativnykh aktov po sovetskomu ispravitel'no-trudovomu pravu (1917–1957)* [Collection of normative acts on the Soviet corrective labor law (1917–1957)]. Moscow, pp. 54–94.
2. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7420. List 2. File 8.
3. The Archives of the Information Centre of the Chief Administration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 60.
4. The Archives of the Information Centre of the Chief Administration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 140.
5. Gritsenko, I.F. (1998) *Rubtsovskaya militsiya: obrazovanie i etapy razvitiya* [The Militia of Rubtsovsk city: Formation and development]. Barnaul: Altai Book Publ.
6. People’s Commissariat for Internal Affairs (NKVD). (1923) *Penitentsiarnoe delo v 1922 g. Otchet NKVD po GUMZ X s'ezdu Sovetov* [Penitentiary system in 1922. The NKVD report on the General Department of the Places of Confinement to the 10th Congress of the Soviets]. Moscow [s.n.].
7. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. (1923) 51–52.
8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 4042. List 2. File 85.
9. People’s Commissariat for Internal Affairs (NKVD). (1924) *Penitentsiarnoe delo v 1922 g. Otchet NKVD po GUMZ X s'ezdu Sovetov* [Penitentiary system in 1923. The NKVD report on the General Department of the Places of Confinement to the 11th Congress of the Soviets]. Moscow [s.n.].
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 4042. List 2. File 226.
11. The State Archives of Novosibirsk Region. Fund 288. List 1. File 128.
12. Bykov, A.V. (2004) *Stanovlenie i razvitie penitentsiarnoy sistemy Zapadnoy Sibiri v 1920-e gg.* [The formation and development of Western Siberia the prison system in the 1920s]. History Cand. Diss. Omsk.
13. State Archives of the Altai Territory. Fund 531. List 1. File 5.
14. The Archives of the Information Centre of the Chief Administration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 139.
15. Gutsev, O.V. (2012) The historical and pedagogical analysis of formation of professional training of workers of the Russian penitentiary system. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 5. pp. 15–18. (In Russian).
16. Suverov, E.V. (2013) [The penitentiary system in the Altai during the Kolchak regime]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* [Topical problems of struggle against crimes and other offenses (1918–1919)]. Proc. of the International Research Conference. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Russian Interior Ministry. pp. 148–149. (In Russian).